

IV.

Семья царя Ивана.

Отъ первой жены у Грознаго было двое сыновей. Младшій, Теодоръ, отличался болѣзненностью и былъ слабъ умомъ. Поэтому съ нимъ не считались. Что касается старшаго, Ивана, то, повидимому, и въ физическомъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ онъ весьма напоминалъ собою отца. Недаромъ тотъ дѣлилъ съ нимъ и занятія, и утѣхи. Какъ и Грозный, онъ былъ не чуждъ сформированности

Рукопись его сочиненія о житіи св. Антонія сохранилась въ бумагахъ графа Ф. А. Толстого. Едва достигн въ 30 лѣтъ, онъ уже былъ женатъ въ третій разъ. По свидѣтельству Одерборна, отецъ съ сыномъ мѣнялись своими любовницами. Одна изъ такихъ фаворитокъ царевича пожаловалась однажды на обидные для нея женскіе пересуды. Тогда царь велѣлъ взять виновныхъ и разложить ихъ нагими по снѣгу на позоръ и глумленіе проходящихъ. Я привожу эту подробность лишь для того, чтобы показать, какъ предсѣвляло себя тогдашнее общество взаимныя отношенія Грознаго и его наслѣдника. Первой женою царевича была Евдокія Сабурова, а второю П. М. Соловая. Обѣ онѣ принуждены были разлучиться съ наслѣдникомъ престола и принять монашество. Третьею супругой Ивана Ивановича была Елена Шереметева; она была беременна въ то время, когда, въ припадкѣ гнѣва, царь убилъ ея мужа. Существуетъ нѣсколько версій, объясняющихъ это событіе. Нѣкоторые лѣтописцы изображаютъ дѣло такъ, будто бы, въ виду успѣховъ Баторія, царевичъ сталъ упрекать отца въ малодушія; при этомъ онъ требовалъ, чтобы царь поставилъ его во главѣ войска, съ помощью котораго царевичъ хотѣлъ попытаться отбросить опаснаго завоевателя. Другіе источники говорятъ, будто царевичъ заступился за ливонскихъ плѣнниковъ, съ которыми дурно обращались царскіе опричники. Мы видѣли, однако, что между отцомъ и сыномъ существовало извѣстное согласіе идей и чувствъ. Поэтому едва ли можно признать правдоподобными вышеприведенныя попытки объяснить катастрофу. Между прочимъ, Поссевинъ, бывшій въ Москвѣ три мѣсяца послѣ событія, указываетъ на иную причину событія. Его версія гораздо болѣе вѣроятна. По его словамъ, Иванъ встрѣтилъ свою невѣстку во внутреннихъ покояхъ дворца. При этомъ онъ замѣтилъ, что ея одежда не вполне соотвѣтствуетъ требованію тогдашнихъ приличій. Вполнѣ возможно, что, при своемъ положеніи, жена царевича не надѣла на этотъ разъ пояса на сорочку. Оскорбленный этимъ царь-игумень съ такой силой ударилъ бѣдную женщину, что въ слѣдующую ночь она преждевременно разрѣшилась отъ бремени. Совершенно естественно, что царевичъ не воздержался отъ упрековъ по адресу отца. Грозный вспылилъ и замахнулся своимъ страшнымъ посохомъ. Смертельный ударъ былъ нанесенъ царевичу прямо въ високъ.

Правда, что преступленіе было совершено царемъ безъ умысла. Однако, оно все же перешло ту мѣру, къ которой привыкли сс-

временники Грозного. По словам Поссевина, Иванъ былъ въ отчаяніи. Онъ проводилъ цѣлыя ночи въ слезахъ; онъ вопилъ отъ горя. На утро, собравъ бояръ, онъ заявлялъ имъ, что считаетъ себя отнынѣ недостойнымъ занимать престолъ. Однако, въ то же время, указывая на неспособность царевича Ѳеодора, онъ предлагалъ имъ назвать другого преемника. Конечно, придворные сразу почуяли ловушку: поэтому они умоляли царя сохранить власть за собою.

Изъ всѣхъ событій царствованія Грозного смерть его сына Ивана наиболѣе поразила народное воображеніе. На всемъ пространствѣ великой Россіи пѣлись пѣсни, навѣянные этой кровавой драмой. Ихъ можно было слышать отъ Архангельска до Владиміра, отъ Олонецкой области до Нижняго Новгорода. Рыбниковъ издалъ пять такихъ пѣсень, Безсоновъ — двѣнадцать и Гильфердингъ—одиннадцать. Въ одной изъ этихъ былинъ жертвой Грозного оказывается не Иванъ, а Ѳеодоръ. О его измѣнѣ говорить царю Малюта Скуратовъ:

«Какъ сидитъ измѣна за однимъ столомъ,
Пьетъ да ѣстъ измѣна съ одного мѣста,
Носить платье одного сукна».

Очевидно, народный поэтъ вспомнилъ въ данномъ случаѣ извѣстныя слова евангелія отъ Матѳея (XXVI, 23): «опустившій со Мною руку въ блюдо, этотъ предастъ Меня». Послѣ этого, забывая о хронологіи, поэтъ вводитъ въ дѣйствіе царицу Анастасію и ея брата Никиту Романовича. Они спасаютъ ни въ чемъ неповиннаго царевича какъ разъ въ ту минуту, когда ему грозитъ гибель. По другимъ версіямъ, царь требуетъ, чтобы его сыну отрубили голову и выставили ее предъ дворцомъ. Онъ велитъ вырвать ему сердце и печень и принести къ нему или, по крайней мѣрѣ, подать ему саблю, обогренную кровью царевича. Однако, тотъ же Никита Романовичъ, этотъ любимый герой народнаго эпоса, обманываетъ государя, убивъ вмѣсто царевича, простого «немилаго постельничка», холопа. Такимъ образомъ, мы идимъ передъ собою какъ бы повтореніе исторіи Кира, спасеннаго посланцами Астіага, или сказаніе о Женеьевѣ Брабантской, или, наконецъ, повѣсть о Спящей Красавицѣ.

Несмотря на свое сходство съ царемъ, а, можетъ быть, именно благодаря этому обстоятельству, старшій царевичъ пользовался довольно широкой популярностью. Смерть его явилась поэтому какъ бы народнымъ бѣдствіемъ; это было тѣмъ болѣе естественно,

что, послѣ нея, будущее Московскаго престола представлялось весьма печальнымъ.

Царевичъ Ѳеодоръ былъ слабоумень, братъ его Дмитрій — слишкомъ малъ. Впрочемъ, отъ своихъ многочисленныхъ наложницъ, царь имѣлъ нѣсколькихъ сыновей; но ни одинъ изъ нихъ не былъ признанъ его законнымъ наслѣдникомъ. Въ числѣ этихъ побочныхъ дѣтей считали и Ѳеодора Басманова — смѣлаго, но жестокаго молодого человека. Естественно, что царь болѣе, чѣмъ когда-либо привязался къ семьѣ Годуновыхъ: очевидно, этотъ человекъ, незнавшій жалости, самъ испытывалъ потребность въ нѣжномъ участіи. Говоря о Борисѣ Годуновѣ и его сестрѣ Иринѣ, онъ часто сравнивалъ ихъ съ двумя пальцами руки своей. Но въ то же время еще больше, чѣмъ когда-нибудь, Грозный старался забыть свою печаль или, быть можетъ, заглушить терзанія совѣсти въ самомъ необузданномъ развратѣ. Эти излишества окончательно подорвали и безъ того уже разстроенное его здоровье. Можно ли думать, что въ мрачномъ дворцѣ Грознаго Содомъ уживался съ Цитерой, какъ утверждало большинство лѣтописцевъ? Какъ мы знаемъ, увѣщанія Сильвестра, направленные по адресу его непокорнаго духовнаго чада, повидимому, подтверждаютъ эти обвиненія. Однако, мы уже видѣли, что подлинность соотвѣствующаго посланія Сильвестра представляется весьма сомнительной. Что касается извѣстныхъ словъ Поссевина, то они совершенно неправильно понимаются въ этомъ смыслѣ. Подлинный латинскій текстъ гласитъ: «*Qui gratissimus tredecium annos apud Principem fuerat atque in ejus cubiculo dormiebat*»... Это значить только, что Богданъ Бѣльскій, къ которому относится указанное мѣсто, исполнялъ при царѣ обязанности спальника. Вообще, можно сказать, что въ томъ обвинительномъ актѣ, который лѣтописцы, а за ними историки составили противъ Ивана, весьма многіе пункты обоснованы нисколько не лучше, чѣмъ данный. Конечно, мы не отрицаемъ беспорядочнаго образа жизни Ивана: мы не сомнѣваемся, что это ускорило наступленіе развязки, которую могучій организмъ Грознаго отдалялъ, казалось, на многіе годы. Послѣ смерти Анастасіи, Иванъ отправилъ въ Троицкій монастырь вкладъ въ 1000 рублей. Эта сумма въ два раза превышала подобный же взносъ, сдѣланный Иваномъ еще раньше — на поминъ души отца. По кончинѣ царицы Мары, царь сократилъ свои щедроты до 700 рублей. Что касается царевича Ивана, то, по понятнымъ побужденіямъ, Грозный внесъ на упокой его души 5000 рублей. Такую же сумму

Иванъ отдалъ монастырю для своего собственнаго поминовенія. Очевидно, онъ готовился къ смерти. И Грозный не ошибался: его дни были сочтены. (*)

*) О придворной жизни Московскихъ государей весьма поучительный матеріалъ можно найти въ двухтомномъ сочиненіи *Забьлина*—Домашній бытъ царей и царицъ, М. 1869—1895; ср. *его-же* Исторію Москвы, 1902 I. См. также *Костомарова*, Русская исторія, I и *Карамзина*, Исторія, IX. Документальный матеріалъ содержится въ русскихъ и иностранныхъ лѣтописяхъ, а также въ донесеніяхъ иноземныхъ пословъ—*Бухау*, *Улефельда* (*Старчевскій*, I), равно какъ у историковъ того времени *Одерборна*, *Гейденштейна*, *Курбскаго* и др.—Объ Александровской слободѣ см. Лѣтописи и свидѣтельства *Гваньино*, *Одерборна*, *Горсея*, *Флетчера*, *Таубе* и *Крузе* и т. д. О теперешнемъ состояніи тогдашнихъ построекъ см. статью *Мурзакевича* въ Ж. М. Н. П. 1837 и *Шевырева*, Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, М. 1850.